

Месть проигнорированного приоритета «Энергетической стратегии России»

1. Путь в будущее усеян руинами «Концепций» и «Стратегий»

Вчерашний здравый смысл часто кажется наивным сегодня. Отчасти поэтому очень редко проводится анализ корректности прогнозов. «Энергетическая стратегия России» в разных ее вариантах и редакциях не успевала выполнять не только стратегическую, но даже тактическую функцию, прежде чем превращалась в руины. «Обрушение» стратегии образца августа 2003 г. началось сразу же после (а точнее еще до) ее принятия. Не успели высохнуть чернила на распоряжении правительства, как стратегия развития важного сектора российской экономики стала расплываться и обваливаться. Уже в момент ее принятия было ясно, что «Стратегия» выстроена без фундамента, на очень зыбкой почве, по негодным чертежам и не очень умелыми зодчими. Представление о том, как выглядят отдельные руины «Стратегии», дает табл. 1.

Таблица 1. «Руины» «Энергетической Стратегии России» (прогнозные оценки и фактические данные на 2005 г.)

	Стратегия-2000	Стратегия-2003	Факт
Цены на нефть (Urals)	18-21	18,5-22,5	Более 50
Российский ВВП к 2000 г. (%)	126	125-127	135
Внутреннее потребление ТЭР (млн. тут)	910-955	945-975	1000
Добыча нефти (млн. т)	300-310	420-445	468
Добыча газа (млрд. м3)	645-660	610-615	629
Добыча угля (млн. т)	260-285	270-280	298
Производство электроэнергии млрд. кВт-ч	918-980	930-935	952

Удивляют очень узкие диапазоны важнейших параметров «Стратегии». Будущее в них никак не укладывается. Нет единой дороги в будущее; будущее не детерминировано. Стратегия должна показывать широкий спектр возможных траекторий развития энергетики и способы нейтрализации возможных рисков для экономики. С этим не справилась ни одна версия «Стратегии».

Автору не первый раз доводится анализировать документы с названием «Концепция» или «Стратегия» развития энергетики России¹. Сразу после начала экономических реформ, в апреле-сентябре 1992 г., была разработана «Концепция энергетической политики России в новых экономических условиях». Она была младшей сестрой прежней «Энергетической программы СССР». Родство проходило по нескольким линиям: та же группа разработчиков, те же методические подходы и расчетные модели, та же логика – сформировать «разумные энергетические потребности общества» и дать надежду и государственные финансы (централизованный внебюджетный фонд инвестиций для ТЭК) всем без исключения отраслям ТЭК. Этот документ был подвергнут аргументированной критике². «Концепция» представляла собой странную смесь полной детерминированности

¹ Ответу на естественный вопрос: «А ты кто такой?». Осуждать может каждый, но не каждый имеет на это право. У автора есть опыт прогнозирования такой сложной системы как мировая энергетика. Допущения, результаты и модель прогноза были полностью документированы и опубликованы в вышедшей в 1992 г. книге «Энергетика мира: уроки будущего» (Башмаков И.А. Ред. Энергетика мира: уроки будущего. М., ИНЭИ. МТЭА. 1992. 467 стр.). Прогноз оказался довольно надежным (см. Башмаков И.А. Можно ли учить уроки будущего? «Вестник ФЭК России». №4, 2003; и Башмаков И. Что будет с ценами на нефть? «Мировая энергетика». №10, 2005. Это дает автору некоторое право критически относиться к другим прогнозам.

² Заключение на «Концепцию» было подготовлено 9 экспертами. Основные положения этого заключения опубликованы в И. Башмаков, И. Грицевич, С. Чернавский. Кризис системы – не кризис ТЭКа. «Независимая газета», 23.03.93; И. Башмаков, И. Грицевич, С. Чернавский. Кризис ТЭКа – это и кризис планирования. «Независимая газета». 29.05.93.

и крайней неопределенности. В ней не нехватка энергоресурсов, а спад их производства назван энергетическим кризисом; рассматривался только один вариант развития энергетики на период 1993-2010 гг. (при полной тогдашней неопределенности перспектив развития страны); предлагался эклектический набор механизмов при полной неясности возможных последствий их применения. Она пугала грядущим энергетическим кризисом уже в 1995-1996 гг., если не будет государственных капитальных вложений, и предвещала угрозу энергетической безопасности России. На самом деле, на максимумы загрузки единой энергетической системы страны или на максимумы энергопотребления 1990 г. мы не вышли даже в морозы 2006 г. (за исключением московской энергосистемы).

В 1994 г. на базе минимальной редакции «Концепции» была подготовлена первая «Энергетическая стратегия России». По просьбе РСПП, автор написал замечания на этот документ под названием «Эгоцентризм – локомотив интересов ТЭК», вызвавшие большое раздражение Минтопэнерго³, поскольку пришлось редактировать уже готовый текст и отложить принятие «Стратегии» на 1995 г. Авторы «Стратегии» учли ряд замечаний. Было представлено уже несколько вариантов прогноза развития энергетики (однако их диапазон был предельно узок), даны более взвешенные оценки ситуации в энергетике, заметно снижены перспективные масштабы энергопотребления.

Все редакции «Стратегий» (1995 г., 2000 г. и 2003 г.) сохранили привычную для разработчиков картину государственного контроля над энергетикой. На практике эта задача была решена в 2004-2005 гг.: создан энергетический рынок под полным контролем государства за его финансовыми потоками, а через них и за всей жизнью в стране, и страна села на иглу нефте- и газодолларов. Управление экономикой становится все более централизованным, а управляемость экономикой - все меньшей. О такой опасности еще в конце 1992 г. предупреждали критики «Концепции». Об опасности подстройки экономики под высокие цены на нефть и газ и усиления зависимости ее от ТЭК продолжают предупреждать российские экономисты и в 2006 г.⁴ Согласно данным Всемирного банка и Министерства промышленности и энергетики РФ, нефтегазовый сектор дал в 2003 г. 25% всего ВВП. В России, как и в других нефтеэкспортирующих странах, необходимо делить экономику на два сектора: нефтегазовый и не-нефтегазовый, и судить о прогрессе в экономике по динамике не-нефтегазового ВВП.

«Обратное» огосударствление ТЭК привело к прекращению роста добычи нефти и газа, резкому снижению экономической эффективности ТЭК и подорвало претензии страны на статус гаранта глобальной энергетической безопасности. Почти все увеличение добычи нефти в 1999-2004 гг. было обеспечено независимыми частными нефтяными компаниями. Основная часть прироста добычи газа также была обеспечена независимыми производителями. Именно частный сектор смог увеличить производство энергоносителей в 1999-2004 гг. Авторы «Стратегии» в частный сектор никогда не верили, поэтому им никогда не удавалось правильно определить перспективы развития энергетики России.

Ни одна редакция «Стратегии» не выбирает будущие эффективные траектории развития российской энергетики и не определяет энергетическую политику правительства. Эволюция важнейших параметров «Стратегии» на 2010 г. во всех ее вариантах просто слепо переносит в будущее ситуацию последних лет (см. рис. 1). Авторы «Стратегий» живут в прошлом, опаздывают за жизнью, не предвосхищают ее, не учат «уроки будущего», не делают историю, а плетутся в ее хвосте.

«Стратегия 2003» должна была ответить на вопрос: можем ли мы удвоить ВВП? Для ответа на этот вопрос сначала требовалось ответить на следующие вопросы: каковы возможные уровни производства нефти и газа в 2010 г., сколько доходов от экспорта

³ И. Башмаков. Энергоцентризм – локомотив интересов ТЭК. «Деловой мир». 18.07.1994; И. Башмаков. «Золотой дождь из черно-голубой тучи... Прольется ли?». «Деловой мир». 9.08.1994.

⁴ В. Мау. Новый НЭП. Коммерсантъ. 9.02.2006.

нефти и газа потребуется, чтобы «купить» рост не-нефтегазового ВВП, сколько нефти и газа потребуется для внутреннего потребления при удвоении ВВП, сможет ли Россия поддержать требуемый рост не-нефтегазового ВВП достаточным объемом энергетических ресурсов, как далеко может Россия продвинуться по пути повышения энергоэффективности? Казалось бы, простые и ясные вопросы, но на них не было дано простых и ясных ответов.

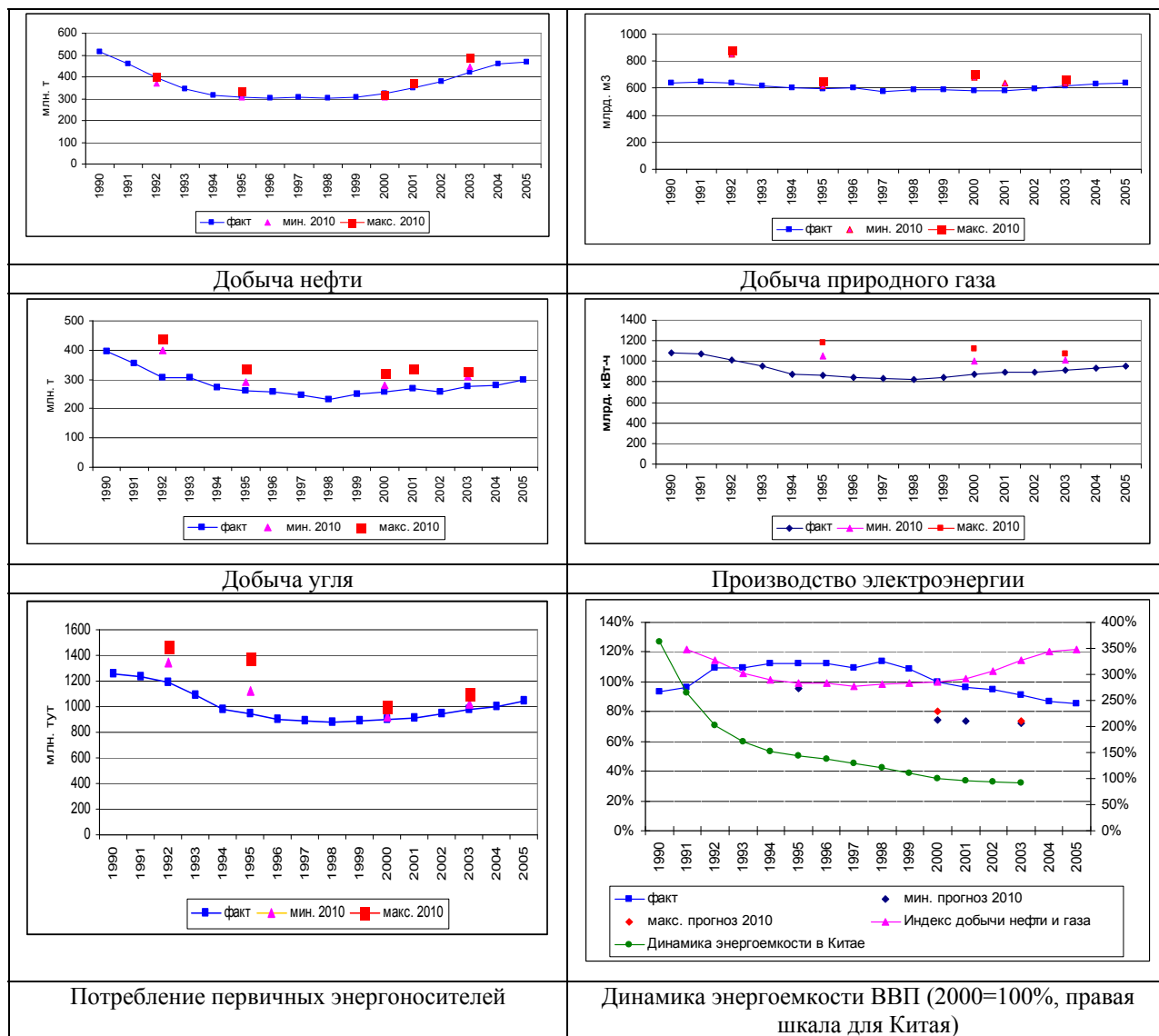

Рис. 1. Эволюция прогнозов уровня добычи и потребления энергоресурсов в 2010 г. в различных вариантах «Стратегии», привязанная к году их составления (красные квадраты и сиреневые треугольники) как функция изменения фактического уровня производства и потребления энергоресурсов (синяя кривая)

Во всех «Стратегиях» неверно трактовалась связь экономического роста и развития отраслей ТЭК, энергетика рассматривалась как самодовлеющая система, постоянно выдвигалось требование быстро привести внутренние цены на энергоносители к уровню мировых при отсутствии оценки последствий различных ценовых стратегий, выдвигался катастрофический по разрушительным последствиям тезис о замене налогов «нефтяной рентой» на фоне тогдашних и прогнозирувавшихся низких цен на нефть, использовалась негодная методика прогнозирования спроса на энергоносители, на основе завышенных оценок потребностей в энергии формулировались угрозы скорой острой нехватки энергоресурсов и мощностей, а значит, и острой потребности вливания государственных капитальных вложений в ТЭК. Эффективность различных ценовых стратегий не

сравнивалась просто потому, что на моделях, использованных для формирования прогнозов, просто нельзя провести такие расчеты.

Ни в версии 2000 г., ни в версии 2003 г. разработчики так и не смогли подняться над экстраполяцией прошлого в будущее. Стенобитная «машина отката» крушила все «Стратегии» руками как заказчиков, так и исполнителей. Отсутствие конкуренции мнений хорошо методически подготовленных групп экспертов при разработке «Стратегии» существенно снижало качество и полезность этого документа. Моделирование развития связки «энергетика-экономика» в России развито очень слабо. Существующие модели непрозрачны, расчеты на них невозможно проверить или воспроизвести при другом наборе допущений. Они слабо учитывают рыночные факторы: реакцию как производителей, так и потребителей на изменение цен, налогов и т.п. В стране, которая претендует на роль «энергетической державы» и «гаранта» глобальной энергетической безопасности, нет современных моделей ни глобальной, ни российской энергетики. В итоге, нет возможности оценивать ни воздействие ситуации на глобальных энергетических рынках на экономику и энергетику России, ни влияние обратного эффекта на мировую энергетику. Для России, все благополучие которой в последние годы поставлено в зависимость от доходов от экспорта нефти и газа, такая ситуация просто недопустима.

Разработчики оказались не способны прогнозировать перспективы мировой энергетики. «Стратегия-2003» построена на ошибочной оценке перспективной энергетической ситуации в мире. Почему в августе 2003 г. так грубо ошиблись с прогнозом динамики цен на нефть и газ, темпами роста мировой экономики? Цена нефти «Urals» в 2005 г. не упала с 25 до 18-22 долл./барр., как написано в «Стратегии-2003», а напротив, резко возросла и превысила в 2005 г. 50 долл./барр. Цена на газ не осталась стабильной, а росла вслед за ценами на нефть. Еще в «Стратегии-2000» цены на нефть на 2005 г. были определены в очень узком диапазоне 18-21 долл./барр. при том, что цена нефти марки «Urals» в 2000 г. была равна 26,7 долл./барр., а в 2003 г. – 27,6 долл./барр. Авторы «Стратегии-2003» сочли это повышение цен краткосрочным, а краткосрочное снижение цен в 2001 г. – долгосрочной тенденцией. Неверный прогноз динамики цен на нефть привел к неверному прогнозу курса рубля и динамики цен на внутреннем рынке. Авторы «Стратегии-2003», видимо, поленились ее пересчитывать и просто вернулись к диапазону цен варианта «Стратегии-2000». Поленились они и пересчитывать прогноз и при переходе к концепции удвоения ВВП, просто списав без всяких на то оснований возможное ускорение внутреннего потребления энергии на интенсификацию повышения энергоэффективности.

Катастрофическая ошибка в определении не только значения (на рынке нефти угадать точно будущие значения цен весьма трудно), но даже и направления динамики цен на нефть создала зыбкую почву, на которой была построена вся «Стратегия». Инвестиции в добычу нефти и их эффективность были оценены неверно, что даже после существенной корректировке объемов добычи нефти в «Стратегии-2003» по сравнению со «Стратегией-2000» привело к существенной недооценке уровня добычи. В отношении добычи газа ситуация прямо обратная: в варианте 2003 г. оценка добычи на 2005 г. была снижена, но реальное значение оказалось выше.

Разработчики «Стратегии-2003» хватили ошибок через край и рассердили не только независимых экспертов, но и «генералов» ТЭК и правительство. Они выражают крайнюю озабоченность быстрым ростом потребления энергоресурсов. Потребление газа, намеченное в «Стратегии -2003» на 2020 г., было превышено уже в 2004 г. (через год после ее принятия).

2. Проигнорированный приоритет

Было предпринято несколько формальных попыток реализовать основной приоритет энергетической политики – повысить энергоэффективность. Реальное отношение

правительства к повышению энергоэффективности можно проиллюстрировать на примере принятой в 2001 г. ФЦП «Энергоэффективная экономика на 2002-2005 гг. и на перспективу до 2010 г.», ныне замороженной. Не ясно, почему программа названа федеральной, если на ее финансирование из федерального бюджета предполагалось выделить только 0,4% ее стоимости? Не ясно, почему она называлась «Энергоэффективная экономика», если на энергоэффективность выделялось только 3,6% ее бюджета (в 10 раз меньше, чем на «бедную» газовую промышленность). Не ясно, что можно сделать в ЖКХ, если на одного жителя России в год на цели повышения энергоэффективности в этом секторе планировалось выделить из федерального бюджета 70 коп. (реально было выделено только 3 коп.), даже при условии что сам житель добавит к этой сумме в 100 раз больше? Распределение средств программы вызвало еще больше вопросов. Не ясно, почему доля затрат на повышение энергоэффективности составила только 3,6% от ее бюджета, при том что, согласно приведенным в ФЦП данным, эффективность этих вложений в 10-15 раз выше, чем эффективность вложений в поддержание и увеличение производства энергоносителей?

В последние несколько лет энергоемкость ВВП России снижалась, Это вселило энтузиазм в разработчиков «Стратегии-2003», и они заложили в программу ее снижение в 2010 г. на 26-28%. Российские чиновники рапортуют о повышении энергоэффективности. Однако динамика энергоемкости находится в противофазе по отношению к изменению добычи нефти и газа (см. рис. 1). На долю нефтегазового сектора (добыча, переработка, транспортировка и сбыт нефти) приходится только 10% энергопотребления, но 25% ВВП. При падении добычи нефти и газа ВВП снижается быстрее энергопотребления, а при росте – наоборот. Рост активности в нефтегазовом секторе – это двигатель не только экономики, но и энергоемкости. Торможение роста добычи нефти и газа в 2005 г. привело к замедлению снижения энергоемкости. В 2003 г. энергоемкость промышленности осталась на уровне 1990 г. В одних отраслях очевиден прогресс, в других – регресс (см. рис. 2). Заметим, что энергоемкость китайской экономики в 1990-2003 гг. снизилась в 4 раза при крайне серьезном отношении китайского правительства к этой проблеме. Как же нашей промышленности конкурировать с китайскими товарами?

Во всех редакциях «Стратегии» приводят огромные цифры потенциала энергосбережения. Потенциал должен определяться по отношению к базовой траектории развития экономики, которая с 1992 г. сильно изменилась. Вслед за ней должны были так же существенно измениться оценки потенциала. Но они не меняются уже много лет. Последний раз потенциал энергосбережения детально и систематически оценивался еще для СССР в 1988 г. С тех пор с этими оценками производили только арифметические манипуляции. Для разработки политики повышения энергоэффективности нужно более точное представление о размере и структуре потенциала. Все, что происходит в России в сфере повышения энергоэффективности, не имеет никакого отношения ни к усилиям правительства, ни к «Стратегии», ни к программе «Энергоэффективная экономика».

Реализация ключевого приоритета «Стратегии» остается не обеспеченной ни организационными, ни финансовыми ресурсами. Месть проигнорированного приоритета уже проявляется в быстром росте внутреннего потребления энергии и связанных с этим высоких рисках для России.

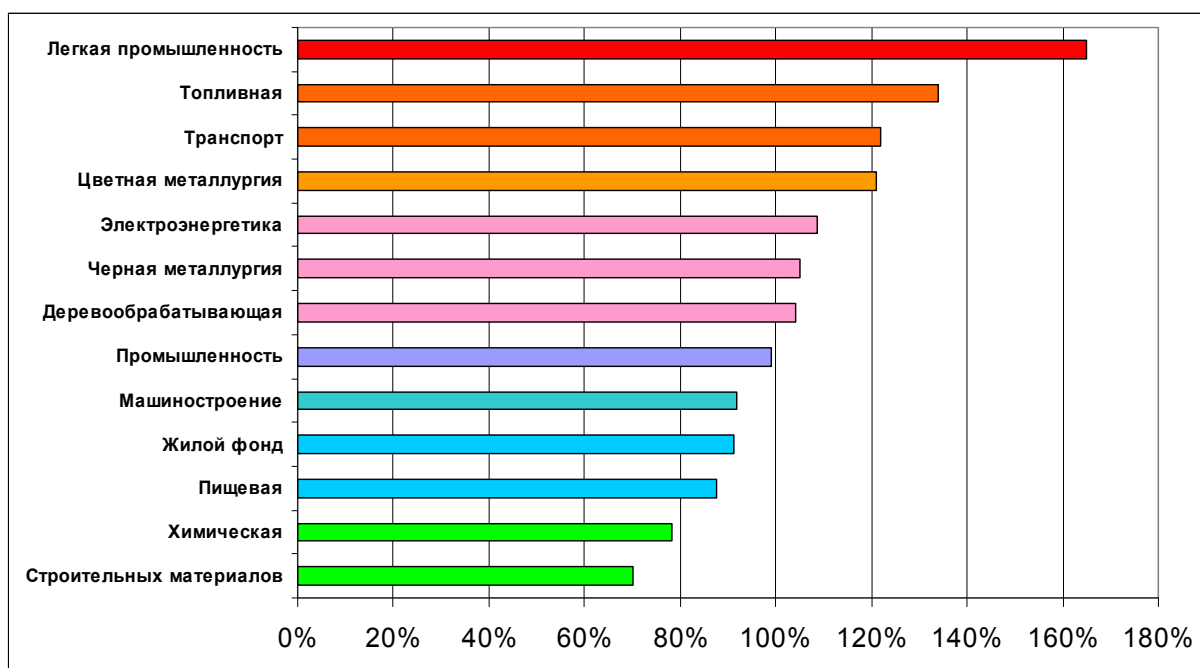

Рис. 2. Энергоёмкость в отраслях и секторах экономики в 2003 г. по отношению к уровню 1990 г.

3. Месть проигнорированного приоритета – высокие риски для развития экономики

Снижение потенциала экспорта энергоносителей и торможение экономического роста. Без повышения эффективности использования энергии внутренний спрос растет и будет расти так быстро, что уже в 2010-2012 г. Россия не сможет выполнять долгосрочные обязательства по экспорту природного газа. Неспособность разорвать или значительно ослабить зависимость «экономический рост – потребление энергоресурсов» при ожидаемых темпах роста российской экономики (4-6% в год) приведет к динамичному росту внутреннего потребления энергоносителей. Увеличение же их производства, а также модернизация уже существующей инфраструктуры, требуют огромных инвестиций. Торможение экономического роста может наступить по двум основаниям. Первое: инвестиции в прочие отрасли экономики будут снижаться за счет инвестиций в ТЭК, и поэтому экономический рост будет медленным. Второе: инвестиций в ТЭК будет недостаточно, экспорту энергоносителей будет отдан приоритет. Поставки энергоносителей на внутренний рынок будут ограничены, что, при сохранении высокой энергоёмкости, задержит рост экономики. То есть без повышения эффективности использования энергии Россия либо остается без экспорта газа, либо без экономического роста, либо без того и другого. Вывод и выход один: судьба экспорта газа зависит не столько от наращивания мощностей по его добыче, сколько от эффективности и динамики его внутреннего потребления.

Низкая энергоэффективность не позволит России выполнять геополитическую роль гаранта надежных поставок энергоносителей на внешние рынки. При ограниченных темпах прироста производства энергоносителей (в 2005 г. добыча нефти выросла на 2,2%, а природного газа – только на 0,5%) быстрый рост внутреннего потребления ведет к снижению энергетического экспортного потенциала, что осложняет реализацию задачи укрепления геополитической роли России как гаранта глобальной энергетической безопасности.

Энергоэффективность и энергетическая безопасность России. Всемирный Банк определяет энергетическую безопасность как способность страны или региона обеспечить энергоресурсами экономический рост, снижение уровня бедности и улучшение качества жизни по разумным ценам. При определении приоритета экспортных поставок

энергоносителей может возникнуть нехватка энергоресурсов на внутреннем рынке, что подбросит вверх цены, затормозит экономический рост и будет угрожать энергетической безопасности самой России. Высокие затраты на топливо при заданных правительством ограничениях на рост тарифов не позволят адекватно снабжать топливом объекты электроэнергетики и ЖКХ, а также формировать средства на обновление и модернизацию инфраструктуры. В результате будут расти их физический износ, частота инцидентов и аварий. Другими словами, будут снижаться надежность, безопасность и доступность энергетических услуг всем потребителям.

Энергоэффективность – ключ к успеху национальных проектов. Без повышения эффективности использования энергии могут возникнуть трудности с осуществлением национальных проектов. Мировой опыт показывает, что важную роль в решении задачи привлечения инвестиций в здравоохранение, образование, науку и культуру играет привлечение частных капитальных вложений в обновление инфраструктуры зданий бюджетной и жилищной сферы с оплатой за счет экономии на коммунальных платежах. Самые большие риски связаны с реализацией программы «Доступное жилье». Реализация ее подпрограмм «Обеспечение земельных участков коммунальной инфраструктурой» и «Модернизация объектов коммунальной инфраструктуры» могут быть успешными только при условии отбора к строительству проектов зданий с высокими характеристиками энергоэффективности и снижения энергетических нагрузок при модернизации существующих объектов коммунальной инфраструктуры и зданий и высвобождения мощностей для точечной застройки. Кроме того, удешевление жилья невозможно без повышения энергоэффективности в отрасли строительных материалов. По мере роста цен на энергоносители стройматериалы дорожают, а значит, растет себестоимость жилья.

Практически невозможно обеспечить инвестиционную привлекательность любого города, если в нем ощущается дефицит резерва мощности коммунальных систем, а плата за подключение к ним за пределами высока. Присоединенные и присоединяемые нагрузки могут быть значительно снижены за счет мер по капитальному ремонту существующих зданий и вводу новых с повышенными требованиями к энергоэффективности, что существенно снижает риск торможения развития экономики и обеспечивает им инвестиционную привлекательность. Кроме того, затраты на развитие мощностей заметно сокращаются и могут в большей степени соответствовать их способности мобилизовать необходимые инвестиционные ресурсы.

Энергоэффективность и конкурентоспособность российской промышленности. При высоких удельных расходах энергоресурсов на российских промышленных предприятиях, росте цен на энергию и стабильном курсе доллара, который удерживается высоким сальдо баланса текущих операций из-за избытка валютных поступлений от экспорта нефти и газа, доля энергетических издержек в структуре себестоимости промышленности растет, а ее конкурентоспособность падает. Это касается и газовой промышленности. При стабильном курсе доллара и росте цен газа на внутреннем рынке темпами, равными инфляции (10% в год), покупательная способность 1 м³ газа на внутреннем рынке не изменится, а на внешнем – упадет в течение 5 лет в два раза. Политика в отношении инфляции и курса рубля становится важным фактором в судьбе газовой отрасли.

Низкая энергоэффективность и высокий уровень бедности. Низкая энергоэффективность сдерживает развитие экономики и рост доходов населения и одновременно повышает нагрузку по оплате коммунальных платежей на семейные бюджеты. Уже сегодня во многих муниципальных образованиях платежи за ЖКУ малоимущих превышают пороговое значение 15% от бюджета прожиточного минимума. Существующие схемы социальной поддержки малоимущих полностью не решают проблемы. Во многих городах и районах право на субсидии по оплате ЖКУ имеют до 50% домохозяйств, пользуются же этим правом только 20-25% домохозяйств. Остальные просто не платят.

Рост нагрузки по оплате энергоносителей на семейные бюджеты и низкая собираемость платежей. Доля платежей населения за ЖКУ находится на пределе, а во многих муниципалитетах уже за пределами платежной способности. Это привело к падению собираемости платежей за ЖКУ в 2005 г. В итоге, многие расходы и, в первую очередь, на капитальный ремонт и инвестиционные программы, не удается профинансировать. Следствием этого является снижение надежности муниципального энергоснабжения.

«Тарифные тиски» и потеря рыночной ниши системами централизованного энергоснабжения. Низкая энергоэффективность электро- и теплоэнергетики определяет высокие тарифы на электрическую и тепловую энергию, что повышает экономическую целесообразность наращивания производства независимыми производителями. Потеря промышленной нагрузки ведет к росту доли условно-постоянных расходов и соответственному росту тарифов на тепло и электроэнергию для оставшихся потребителей, что еще более сужает рыночную нишу энергоснабжающих компаний, оставляя в ней преимущественно социально сложных потребителей, а именно, население и бюджетную сферу. «Тарифные тиски» постепенно «выжимают» с рынка структуры централизованного тепло- и электроснабжения.

Рост тарифов на энергоносители и ответственность за инфляцию. Рост тарифов на энергоносители признан правительством одним из главных двигателей инфляции. Если бы рост тарифов компенсировался повышением энергоэффективности, то доля расходов на коммунальные услуги в доходах потребителей не повышалась бы, и инфляционный эффект был бы полностью погашен.

Низкая энергоэффективность ЖКХ и бюджетной сферы порождает высокую нагрузку коммунальных платежей на городские, региональные и федеральный бюджеты. 5-10% расходов городских бюджетов приходится на коммунальные услуги бюджетных организаций. Помощь малоимущим и льготы на ЖКУ составляет еще 15-20% расходов бюджета. Таким образом, примерно четверть расходов бюджета зависит от уровня тарифов на коммунальные услуги и эффективности использования энергии. Федеральные организации истратят в 2006 г. на коммунальные услуги около 100 млрд. руб.

Низкая энергоэффективность, высокий уровень загрязнения окружающей среды и выполнение обязательств по Киотскому Протоколу. Низкая эффективность производства электрической и тепловой энергии, а также низкая эффективность их потребления в промышленности, ЖКХ и бюджетной сфере являются важными факторами высоких выбросов загрязняющих веществ и парниковых газов. Широко признано, что Россия может выполнить обязательства по Киотскому Протоколу преимущественно за счет мер по повышению энергоэффективности. Вместе с тем, сегодня в России нет обеспеченной ресурсами федеральной политики повышения энергетической эффективности. Перечень рисков, порождаемых низкой энергоэффективностью, можно еще долго продолжать.

3. Отношение федерального правительства к повышению энергоэффективности должно кардинально измениться!

И не только российского правительства. Если экспорт газа из России начнет сокращаться, мировые цены на газ будут расти. То есть низкая энергоэффективность в России на фоне стремления ускорить экономический рост становится глобальной энергетической проблемой. В докладе «О результатах и основных направлениях деятельности субъекта бюджетного планирования – Министерства промышленности и энергетики РФ» за 2005 г. при перечислении целей программы «Энергоэффективная экономика» повышение энергоэффективности у потребителей даже не указано. Бюджетные ресурсы выделяются

только на финансирование повышения энергоэффективности в ТЭК. Промышленность, ЖКХ и прочие потребители остались за бортом. Повышение энергоэффективности всегда использовалось Минтопэнерго в «Стратегиях» просто как условный амортизатор разницы между ограниченными возможностями повышения производства и экспорта энергоносителей и ростом потребностей вследствие экономического роста. Требование удвоить ВВП для авторов «Стратегии» означало только повышение в расчетах условных темпов роста энергоэффективности без определения механизмов реализации такой задачи и без выделения ресурсов для их запуска и работы.

Говорят, есть простой рецепт – повысить внутренние цены на энергоносители. В 2000-2004 гг. цена газа в Европе повысилась на 60%, а потребление газа не только не снизилось, а росло даже быстрее ВВП. Этот рецепт мы уже не раз пробовали. Не помогло. Повышение цен постепенно «расползается» по всей экономике. Проблема существенно сложнее. Но это уже предмет других статей.